

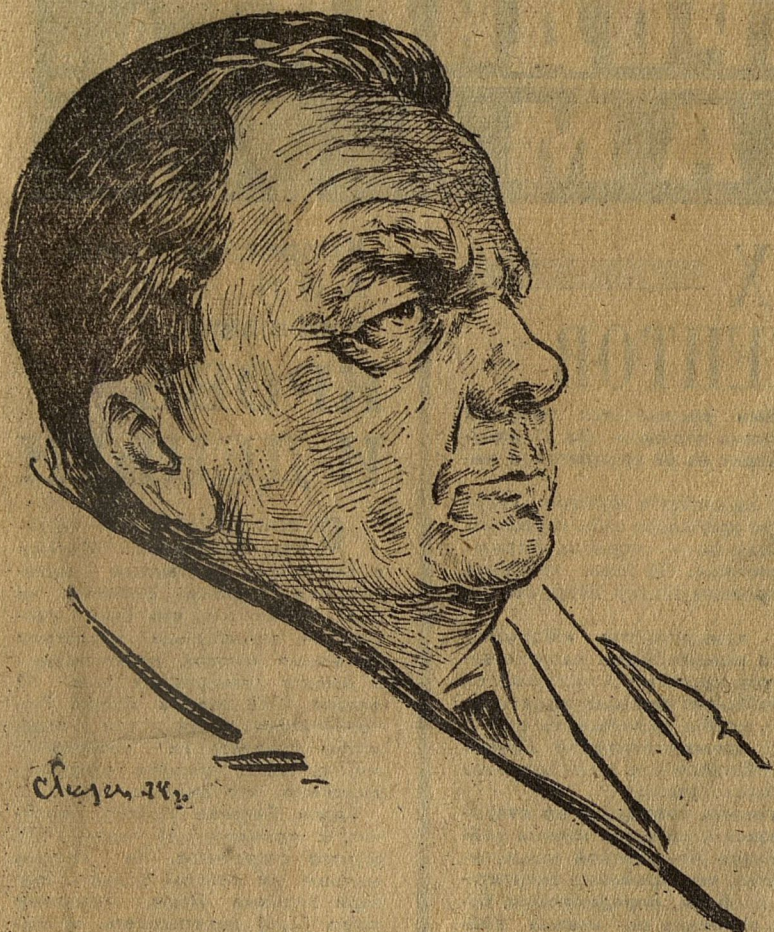

Рис. С. Белцева

ЕСТЬ ХУДОЖНИКИ, которые смело подчиняют себе Время. Оно послушно их творческому таинству потому, что они идут впереди, всегда чуть-чуть впереди него. Говорят еще, что время не властно над истинным искусством.

Когда на сцене Волковского театра появляется народный артист РСФСР Валерий Сергеевич Нельский, всякий раз происходит встреча с вдохновением и мастерством артиста, чей творческий пафос заключен в словах Правды, Добро и Человечность. На спектакли с участием Нельского вы приходите так, как приходите к другу, верному, бескорыстному и мудрому. И друг, как самый терпеливый учитель, в пристальной неторопливой беседе учит вас безошибочно распознавать добро и зло, истину и ложь, красоту и уродливость.

Жизнь его сценических героев начинается задолго до того, как распахнется занавес. Она рождается не в тиши кабинетов, библиотек и музеев, не в гулких репетиционных залах, как может показаться, — она начинается в глубине времени, в опыте всей жизни, в ступе сердца, в неторопливой лесной прогулке, она берет толчок в утренней газетной полосе и в разговорах с людьми. И потом, после спектакля, долго еще продолжает этот безостановочный бег времени, жизнь человеческих чувств, пристрастий, высот духа его героев...

В его комнате собрались люди, очень непохожие друг на друга. Они вошли сюда давно и недавно, из разных эпох, времен, стран и событий. Иногда Валерию Сергеевичу кажется, что они разговаривают. Оживают портреты. Оживают голоса. Времен. Это не воспоминания, это мир человека, вобравшего в себя бесконечное число человеческих судеб, подарившего людям счастья общения с его героями.

Можно говорить о чеховском театре Валерия Сергеевича Нельского. Он сыграл и дадо Ваню, и Тригорина, и Петю Трофимова. В нем живы и по сей день горьковские персонажи — Барон в спектакле «На дне», Матаков в «Чудаках», Монахов в «Варварах» — об этой работе, сделанной вместе с режиссером И. Ростопцевым еще в Куйбышеве, Валерий Сергеевич пишет специальную статью в сборник, посвященный постановкам горьковской пьесы. Нельского помнят в «Зыковых», «Егоре Бульчове», во «Врагах». Он любит театр Островского. Умеет воплотить шекспировскую мудрость, легко и радостно чувствует себя в мольтеровской комедии. Наконец, это актер самого современного плана — ему знаком сложный мир Фридриха Дюрренматта с его «Физиками» и творчество Эдуардо де Филиппо. Он увлекается характером нашего современника, а на его столе лежит пьеса, присланная драматургом для Нельского-режиссера. Он много ставил: можно вспомнить «Палату» С. Аленина, «Профессиональную миссию Уоррена» Б. Шоу, «Женитьбу Белугина» А. Н. Островского. Нет, это не всеядность! Это неутомимость художника в творчестве, жажда постоянной работы, новых открытий, глубины. Неиссякаемость, наконец. Да, «быть живым, живым и только, живым и только — до конца!» Это и его заповедь.

Сыграть Мальволио в «Двенадцатой ночи» Шекспира —

в этом спектакле — почти крик о страшной болезни буржуазного общества, в котором возможно трагическое существование Джениаро и его бедного театра. Это страстная защита человека, его достоинства. Вновь — в который раз! — актер выступает Рыпарем Доброй. В этом особенная творческая Нельского, дар его души. Талант актера — прежде всего талант гуманистический, глубоко народный. В нем живет уверенность в торжестве света над тьмой, правды над ложью.

С ЧЕГО НАЧАЛСЯ его Театр? Может быть, с первых посещений Смоленского театра, где часто играли «малороссийские труппы»? Украинские спектакли были полны романтики, возвышенных и светлых чувств, поэзии и мечты. Или с того вечера, когда еще гимназистом он прочел Белинского: «Зачем мы так любим театр? Затем, что он освежает нашу душу... мощными и разнообразными впечатлениями, затем, что он... открывает нам новый, преображенный и дивный мир страстей и жизни...» А строки Гоголя о том, что театр это великая кафедра, с которой можно сказать миру много добра, он прочел через всю жизнь. В 1922 году молодой Валерий Булатовский поступил на сцену Смоленского те-

ло смущало зрителей, помнивших чеховскую характеристику: «Вялый, рыхлый, всегда покорный». Нельский более всего интересовался не внешним обликом Тригорина, он рисовал другую вялость и рыхлость — душевную. Его Тригорин был озабочен собой, своими писательскими муками, далекими от общественных вопросов, которыми он тяготился. Такой Тригорин мог бы сказать о себе и другие слова: «К добру и злу по-стыдно равнодушно...» Нельский призывал зрителей к размышлению о том, что такое активный гражданский и общественный долг истинного художника. Чеховская тема Нельского закономерно находила свое завершение в образе Пети Трофимова в «Вишневом саде». Пробудить мир к творчеству, к преобразовательной деятельности, к весне и будущему цветению — вот то нравственное и общественное добро, за которое сражался его Петя Трофимов. Этот образ явился в спектакле тем «средоточием оптимизма», с которым и связаны наши представления об этой «весенней» пьесе Чехова.

О ДНАЖДЫ, когда в театре шел «Царь Федор», во время антракта Валерия Сергеевича пригласили в кабинет главного режиссера. Спектакль смотрел писатель и

ный в том, что люди рождаются не для войны, но в войне народной, Отечественной все великодушные добрые — в яростной ненависти и неприязни к врагу.

Гордым и честным был его Дмитрий Карбышев («Круги ада») — заточенный в фашистский застенки, убежденный в том, что рано или поздно красота жизни вернется к людям, и они больше не будут корчиться на проволоках концлагерей и заставлять ледяными изваяниями. Вместе со своим героем В. Нельский смотрел за горизонты будущего, его герой мечтал, и это тоже было по-человечески...

Всякий раз, играя Панфилова или Карбышева, Нельский вспоминал военные годы, те самые дороги Смоленщины, о которых столь памятно написал Константин Симонов. Горечь и тяжесть смоленских дорог сорок первого познал и он, и не по стихам, а пройдя вместе со своей фронтовой бригадой почти всю войну, узнав радость наступления, победы. Боевая дружба сроднилась актерам и солдатам, и не было меж ними различия, все были солдаты и защитники Родины. Разве не были эти годы высшей школой человеческого опыта, предвещавшего все то, что суждено ему было сыграть позднее?.. Вот почему, не жалея гротескных красок, развенчивал он фашистское диктаторство в своем герое Вольфганге («Кредит у Нибелунгов»), который захлебывался мажорными реками о возрождении фашизма! Нет у человечества такого права — забывать зверства, не забывая дикой философии фашизма. Нельский ненавидит зло во всех его проявлениях, ибо оно убивает жизнь, растаптывает и попирает личность, уничтожает творчество. Епископ Феодан в «Федоре Волкове» был намного больше, чем церковник, протестующий против «сатанинских зрелищ» Федора Волкова. Это был оборотень, чернокрылый упырь, трижды появляющийся для того, чтобы сказать: «Земное — прах, суета!» Но росли театры на Руси, не смог черный ворог убить Театр!..

ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВИЧ всегда любит что-то не договаривать в своих работах, он никогда не объясняет всего до конца, но это не есть незавершенность образа. Это — необходимое пространство, которое скрывает за собой целый мир, оставленный зрителю для размышлений.

Самое драгоценное качество в нем, быть может, чувство юмора, великодушного душевного здоровья. Помните, как его директор нефтезавода Минутасов лихо отплясывал лежачку вместе с рабочими на празднике труда («Хозяева жизни»). Оптимизм помогает и сейчас, когда вот уже почти полгода полученная на отдыхе травма не позволяет работать. Врачей Нельский просил лишь об одном — как можно быстрее вернуть его в строй. «Фамусов? «Горе от ума»? — грустит он потихоньку. — Ну, какой же теперь Фамусов?..»

Но думает и о Фамусове, и о возвращении на сцену Федора Волкова. Его, депутата Ярославского горсовета, хорошо знают избиратели. У него, председателя Ярославского отделения Всероссийского театрального общества, много забот. Хорошо бы общественным организациям театра связаться с горисполкомом — установить к 225-летию театра мемориальные доски, посвященные народным артистам Г. Белову, А. Чудиновой, назвав ярославские улицы их именами. Вот уже несколько месяцев в квартире В. Нельского — филиал Ярославского ВТО. Приехала научная сотрудница музея имени Бахрушина — надо помочь столкнуть театральному музею. Вскоре состоится в Ярославле выездное заседание правления ВТО — надо уточнить сроки. Постоянно звонит телефон, и Валерий Сергеевич, что называется, живет театром, его заботами и делами, волнениями каждой премьеры.

Приходят ученики театрального училища. Он ретепирует с ними новый рассказ Василия Шукшина. Появляется его воспитанница Татьяна Кулиш, она бывает здесь часто. И у них даже есть свой, особый пароль. «Ну, как жизнь, Татьяна, без отклонений?» — улынувшись, спросит он.

Валерий Сергеевич внимательно следит за ее работой, доволен тем, как играет Татьяна в спектакле «Двенадцатая ночь», знает, что она сыграла, кажется, уже в четвертом фильме, беспокоится, не отошел бы театр в этих кинозаставах на второй план, не погасла бы молодая актриса за кинославой!.. А сколько еще учеников!..

Валерий Сергеевич работает. И ждет своего выхода на сцену.

Его ждут все ярославцы.

М. ВАНЯШОВА.

Люди искусства

РЫЦАРЬ ДОБРА

образ этот буквально станцовой Нельскому! — так балансируя между комическим и трагическим, что это даст легкую пищу критикам для размышлений, а зрителя посвятит Нельскому — Мальволио трогательные стихи, написанные под впечатлением премьеры.

Вновь и вновь потрясает нас актер работами настолько филигранными, разноплановыми, сохраняя, по мудрому леопольдовскому выражению, «золотые запасы души», что его герой будто незаметно для вас станет ведущей фигурой спектакля. Так в «Двенадцатой ночи». Так в спектакле «Царь Юрий», поставленном Ф. Шининым, где Шуйский — В. Нельский был до поры до времени бесцветным и незаметным. Нельский играл, казалось бы, тусоватость этого князя «со шами в тощей бороде». Но то были расчетливость и точный приезд героя. То была победная тусоватость! Его Шуйский мог сладко унывать, раблепетывать, он сам шел на плаху, но и с плахи его хитрый зрачок продолжал цепко следить за поведением соперников, которые и не подозревали, что тусоватость и елейность всего лишь маска, за которой крепкая, изворотливая и жесткая рука, твердое, «недремлющее» око.

Везде, в каждом спектакле вы почувствуете бескойный внутренний ритм, увидите натурную деятельность, а образ, созданный Нельским, будет отмечен той мерой психологической глубины, о которой мы говорим как о тонком исследовании душевных движений человека.

Шуйский старик Наум из спектакля «Характеры». Этот эпизод Нельского заставляет сверкать весь спектакль. В. Нельский удивителен в этой роли своей достоверностью, соединением, казалось бы, несоединимых начал — детского, непосредственного восприятия мира и стариковской мелочности, остроты, ворчливости. Азый, недоверчивый взгляд отшельника со скрытым любопытством скользит по книжкам и тетрадкам мальчишки Юрки. Старик зажат, а его квартирант Юрка бедствует. Однако дед Наум — В. Нельский в этой вечерней беседе поймет превосходство неустоенной Юркиной жизни и неожиданно для себя почувствует, как шевелится, оживает, просыпается в нем доброе, человеческое. В. Нельский играет Наума с великолепным юмором, очень точно передавая стиль и ритм жизни героя Шукшина.

А в следующий театральный вечер он познакомит вас с жизнью бродячей итальянской актерской труппы, и вы будете страдать и грустить вместе с его Джениаро. Нет, Джениаро будет рассказывать о своей судьбе мужественно, не ропща и не жалуясь. А в финале спектакля «Человек и Джентльмен» что-то цапнет вас по самому сердцу. Нелая, трагическая походка героя? Странные, слабо дергающиеся механические движения Джениаро-актера, похожие на движения сломанной игрушки? Или растерянные, полные слез глаза? Роль Нельского в

атра сотрудничком, но его эпизоды сразу же отметили. Один из его героев в спектакле «Тайна Нельской башни» — по пьесе А. Дюма был так обаятелен, честен и тверд в своих устремлениях, так стремился уничтожить зло, что друзья окрестили Валерия Нельского, и сколько уж лет он выступает на сцене с этим именем!..

Ярославцам и москвичам хорошо памятные юбилейные гастроли волжских и гастроль в середине пятидесятых годов. В столицу тогда привезли поистине богатый репертуар, радующий русской и советской классикой. На афише были «Бесприданница» и «Чайка», «Дворянское гнездо» и «Егор Булычов», впервые поставленные на волжской сцене «Настя Колосова» В. Овечкина и «Вечный источник» Дм. Зорина. Валерий Сергеевич был занят почти в каждом спектакле, но, пожалуй, самым большим завоеванием актера был его герой в спектакле «Царь Федор Иоаннович».

Лицо царя Федора было болезненным, отечным, с печатно глубокою, разламывающею недугу. Актер смотрел на своего героя глазами современника. Его Федор был чистой душой, как младенец. Его великодушные не знали пределов, для него не существовало личных обид, и в этом он был на голову выше Годуновых и Шуйских. Он всегда пытался быть добрым человеком. «В душе всегда открытой недругу и другу живет любовь, и благость, и молитва, и словно тихий слышится в ней звон... Но для чего вся благость и вся святость, коль нет на них опоры никакой!» — эти слова Годунова были для Нельского определяющими. «А я — хотел добра. Ариана! — скажет в финале царь Федор почти шепотом, и это признание сорвется с его губ как трагическое удивление, в глазах застынет горец, испытано до дна человеком, все муки которого — и государственные, и человеческие — шли от желания «всех согласить, все сплести...» Всеохватывающее добро не могло не привести к трагедии, к будущей Великой Смуте. Так понимал В. Нельский глубину образа.

Добр был и его дядя Ваня, чеховский Войничский, жертвующий своей жизнью ради процветания бездарных профессоров Серебряковых, что всю жизнь занимались искусством и ничего в нем не смыслили. Но и в рассказе о погубленной, прожитой напрасно жизни Нельский утверждал талант высокой душевности, искреннего сердца. Спектакль часто приходил смотреть Иван Алексеевич Ростовцев, «Дед», как любовно называли режиссера в театре. И хотя «Дядю Ваню» ставил не он, внимательно беседовал с молодым актером, которого именно он, Ростовцев, пригласил в театр. Эти беседы Валерий Сергеевич помнит и по сей день, храня в душе великую благодарность мудрому наставнику за его громадную веру в будущую судьбу артиста.

Его Тригорин в «Чайке» был и подтянут, и чрезвычайно коррентен, и даже ярок в своей элегантности, что нема-

драматург Дмитрий Зорин. Каково же было волнение актера, когда он услышал от Дмитрия Ивановича, что в пьесе «Вечный источник», которую собирался ставить Волковский театр, он будет исполнять роль Владимира Ильича Ленина.

Сегодня он вспоминает и поездку в Горки Ленинские, и кропотливую работу с режиссером Т. Кондратьевым, и пробы грима с гримером театра В. А. Бобренко, и консультации старейшего гримера страны А. Андикана, гримировавшего Бориса Шукина. А главное — то великую, на всю дальнейшую жизнь — школу, какой явилось постижение ленинской биографии. «Было очень трудно удержаться на необходимой грани, — вспоминает актер, — не перепахнуть тот предел, где кончается простота и начинается простотия. Важно было передать способность и умение Ленина просто, доходчиво разговаривать с любым человеком, найти подход к каждому. Надо было показать, что пристальное внимание к каждому человеку определяет образ Ленина, умение Владимира Ильича, казалось бы, за мелочью разглядеть большое».

«Третья, патетическая» Н. Погодина явилась следующим этапом в работе над великим образом. Размышляя о подлинной гуманности «в этой небывало свирепой драке» с врагами революции, какой были первые годы жизни молодого государства Советов, Владимир Ильич говорил в пьесе: «Любить людей — задача адски трудная!» Нельский вспоминал и горьковские строчки: «Должность честных вождей народа нечеловечески трудна». Когда в одном из эпизодов спектакля к Ильичу в Горках приходила Ирина Сестрорецкая просить за брата — чехиста, уличенного во взяточничестве, лицо Владимира Ильича становилось задумчивым и суровым. Нет, он не становился сентиментальным, он не «милел людской лаской» к человеку, предавшему дело революции. Горячо, искренне волнуясь, рассказывал Ильич Ирине о грандиозных усилиях народа — выстоять, победить, отстоять свою власть. Он убеждал Ирину в справедливости действий республики, и в этой беседе, пронизанной ленинской совестью, рождался революционный гуманизм самого высокого стиля. Эту ленинскую гуманистическую тему В. Нельский продолжил и в спектакле «Посольский дневник» С. Дайгулова.

Черты ленинского характера просматривались и в его генерале Панфилове. В. Нельский давал свое понимание личности легендарного народного полководца. Доброта и человечность Панфилова влиялись в его бойцов, поднимали их дух, отбрасывали усталость. Меньше всего видел перед собой Панфилов — Нельский безликую массу солдат. Всякий раз перед ним проходили единственные, неповторимые человеческие судьбы. Это был не просто «рыцарь без страха и упрека», как писали об этой работе Нельского критики, это был настоящий Рыцарь Доброй, убежден-